

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Обзоры

ЛИТЕРАТУРА О РОЛИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА

Советские исследователи, вооруженные знанием законов диалектического и исторического материализма, могут глубоко и всесторонне оценить роль природной среды в истории общества, правильно показать взаимоотношения между природой и человеком, не допуская гипертрофии роли природы (как это делают сторонники «географического детерминизма»), но и не сбрасывая со счетов эту важную сторону истории. Как же обстоит дело с учетом роли географического фактора в советской исторической литературе последних лет?

До конца 50-х годов среди советских историков, так же как и среди философов, господствовало известное пренебрежение к роли географического фактора. Это проявлялось и в 60-х годах даже в работах, посвященных истории производительных сил, где, казалось бы, совершенно невозможно игнорировать природные ресурсы и условия¹.

С начала 50-х годов философы и географы стали активнее разрабатывать вопросы взаимоотношений человека и природы. В эти годы появилось большое количество работ о связях природы и общества; во многих из них рассматриваются и отдельные вопросы, касающиеся взаимодействия природы и общества в прошлом².

В настоящее время географы и философы, интересующиеся этой проблемой, вполне обоснованно упрекают историков в инертности, в отсутствии работ по данной теме³. Справедливы и слова акад. Б. А. Рыбакова, сказанные им на Всесоюзном совещании историков: «У нас, как мне кажется, существует некоторая боязнь географического фактора, его значение в теоретическом плане надо как-то переосмыслить, потому что иначе эта боязнь может явиться серьезной помехой в нашей работе. Применительно к XX в. географический фактор учитывается достаточно хорошо и полно, но как только мы обращаемся к более ранним эпохам, начинается эта робость, опасение обвинений в переоценке географического фактора. Хотя на самом деле отрыв от географического фактора — это отход от реализма, изучение общества вне той среды, которая влияла на его формирование. Чем дальше мы углубляемся в глубь веков, тем важнее учет географического фактора»⁴.

В последние годы наметился некоторый сдвиг в изучении этой проблемы. Однако работ, специально посвященных ей, к сожалению, пока еще очень мало. Коллективная

¹ См., например: З. Г. Карпенко. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 гг. Новосибирск. 1963; С. А. Гонионский. Очерки новейшей истории стран Латинской Америки. М. 1964; Д. П. Маковский. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск. 1963; Е. Н. Колотинская. Правовые основы земельного кадастра в России. М. 1968.

² И. А. Витвер. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. М. 1963; Ф. С. Худушин. Человек и природа. М. 1966; «Океан и человечество». М. 1968; Ю. Г. Саушкин. Введение в экономическую географию. М. 1970; «Марксистско-ленинская теория народонаселения». М. 1971; В. З. Дробижев, И. Д. Ковальченко, А. В. Муравьев. Историческая география СССР. М. 1973; М. Г. Федоров. Русская прогрессивная мысль XIX в. от географического детерминизма к историческому материализму. Новосибирск. 1972.

³ См. Ю. Г. Саушкин. Указ. соч., стр. 26; Ю. П. Трусов. Понятие о неосфере. «Природа и общество». М. 1968, стр. 30.

⁴ «История и социология». М. 1964, стр. 59.

монография «Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР» (М. 1969), написанная геологами, палеогеографами, археологами, антропологами, представляет поэтому большой интерес. В ней последовательно рассматриваются природные условия эпохи палеолита, основные районы обитания первобытного человека и, наконец, вопросы взаимодействия природы и общества. Но авторы не по всем вопросам пришли к единому решению. Если А. Н. Рогачев и Г. П. Григорьев подчеркивают ведущую роль в жизни людей социальных условий уже на первом этапе первобытного общества, то А. А. Величко и М. Д. Гвоздовер отмечают большее значение для этого периода природно-географических факторов. Более цельна в этом отношении книга Л. Н. Соловьева, решающего сходные проблемы применительно к более узкому региону. А. Я. Шевеленко предпринял попытку комплексного рассмотрения того же вопроса и выявил некоторую зависимость между развитием природы и общества в Европе периода раннего средневековья; Ю. А. Кизилев рассмотрел влияние природных условий на хозяйственное и политическое развитие Руси в XII—XV вв.; С. Х. Вахтре прослеживает связь между погодными условиями и успехами земледелия Эстонии XVIII—XIX веков⁵.

В данном обзоре литературы 60-х годов рассматриваются следующие направления, по которым историки исследуют связь между природой и обществом: влияние изменений природных условий на жизнь общества, ландшафт и условия жизни населения, влияние природных условий на развитие экономики, географическая среда и некоторые особенности социального строя и политической истории. Ряд вопросов, в частности активное воздействие человека на природу, здесь не рассматривается.

А. А. Величко и М. Д. Гвоздовер отмечают, что суровые ледниковые условия оказали существенное влияние на развитие общества в разных районах земного шара. В областях тропиков и субтропиков, где климат на протяжении всего четвертичного периода продолжал оставаться теплым, где не было существенных похолоданий, развитие хозяйства шло, как правило, медленно, консервативно. В тех же областях, где климат существенно (но не катастрофически) изменился, произошли важные сдвиги. Более суровые условия жизни потребовали от человека напряжения всех сил. Чтобы выжить, он должен был усовершенствовать средства и способы охоты, научиться строить теплые жилища, изготавливать теплую одежду, полнее использовать возможности коллективного труда. Древнее население Европы сумело добиться таких усовершенствований, и в этих районах отмечаются большие изменения каменного инвентаря в позднем палеолите по сравнению с предшествующим периодом⁶.

Зависимость расселения первобытного человека от изменений природной обстановки на территории Скандинавии прослеживает Л. Р. Серебряный⁷. По его мнению, географическая среда оказывала заметное влияние на ход первичного заселения Скандинавского полуострова. Он предполагает, что во время последнего, эмского, межледниковья человек проник на южное побережье существовавшего тогда Эмского моря. На северном же берегу он тогда не смог обосноваться, так как техника среднего палеолита была недостаточно совершенной для преодоления морских просторов. Лишь после потепления и отступления ледника к северу вслед за ним пришел на север и человек. В. Т. Пашуто показал естественногеографические (резкие колебания климата) и социальные предпосылки многочисленных случаев голода в Древней Руси⁸.

В 60-х годах появились работы Л. Н. Гумилева, в которых делаются попытки раскрыть влияние перемен природной обстановки на развитие народов той части Евра-

⁵ А. Я. Шевеленко. Природный фактор и европейское общество V—X веков. «Вопросы истории», 1969, № 10; Л. Н. Соловьев. Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии. Сухуми. 1971; С. Х. Вахтре. О влиянии климатических условий на урожай в Эстонии в XVIII—XIX вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968». 1972; Ю. А. Кизилев. Географический фактор в истории средневековой Руси. «Вопросы истории», 1973, № 3.

⁶ А. А. Величко и М. Д. Гвоздовер. Роль природной среды в развитии первобытного общества. «Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР». М. 1969, стр. 235—236.

⁷ Л. Р. Серебряный. Проблема первичного заселения Скандинавии в свете палеогеографических данных. «Скандинавский сборник». Т. XII. Таллин. 1967.

⁸ В. Т. Пашуто. Голодные годы в Древней Руси. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г.». Минск. 1964.

зии, в которой жизнь зависит от обеспеченности влагой⁹. Это обширная территория пустынь, полупустынь и степей Азии, захватывающая частично и Европу. Автор исходит из того, что климат Евразии испытывает циклические колебания, зависящие главным образом от характера действия циклонов, идущих с Атлантического океана. В случае, если циклоны идут южным путем, через Средиземное и Черное моря, Северный Кавказ и Казахстан, происходит увлажнение степи, улучшаются условия жизни в степных районах, начинается наступление степи на полупустыню и пустыню. Если циклоны идут через среднюю полосу Европы и Сибирь, то степная полоса начинает усыхать, условия жизни ухудшаются, климат же средней полосы Европы и Сибири становится более влажным. Наконец, если циклоны еще больше сдвигаются к северу и проходят по северным берегам Евразии, то степные районы превращаются в пустыни и полупустыни, а климат полярной зоны становится более теплым и влажным. В IV—III вв. до н. э. был период увлажнения степи, что способствовало подъему хозяйства кочевых народов; это, по мысли Л. Н. Гумилева, привело к появлению первых государств в степной полосе. В IX—X вв. наблюдается усыхание степных районов, и жители степей стремятся уйти в места с более благоприятным климатом (кидани, буряты, печенеги, карлуки). В XI—первой половине XIII в. циклоны опять перемещаются на юг, климат степи увлажняется, и возросшее экономическое могущество дает возможность монгольским ханам покорить значительные территории Азии и Европы. Вслед за этим начинается эпоха усыхания степей (XIV—XVI вв.); это приводит к ослаблению могущества кочевников, к распаду монгольских государств, переселению калмыков и узбеков из родных степей в менее засушливые места; наступает конец срединно-азиатской культуры.

Гипотеза Л. Н. Гумилева наряду с некоторыми его другими предположениями о характере связей природы и общества вызвала оживленную полемику¹⁰. И. Я. Златкин считает, что идеи Л. Н. Гумилева близки к точке зрения «географического детерминизма», указывает на сходство некоторых его положений с концепциями американских ученых-«геополитиков» (А. Тойнби и Э. Хантингтона). С. А. Плетнева, называя гипотезу Л. Н. Гумилева «очень интересной и плодотворной», считает, что если бы удалось ее доказать, то можно было бы говорить об интересном открытии. С этой целью следует тщательно сопоставить изменения климата с историческими событиями, провести археологическое обследование районов, в которых под влиянием изменившегося климата гибли или расцветали новые государства. Но, справедливо заключает С. А. Плетнева, «этого пока не сделано ни в одной из работ Л. Н. Гумилева».

Влияние изменений природных условий на жизнь населения древнего Хорезма подробно выясняется в двух монографиях, посвященных истории рек и озер древних Туркмении и Узбекистана и заселения их человеком¹¹. Авторы проделали большую работу, выявив изменения многочисленных речных и озерных образований и показав в связи с этим историю жившего здесь населения. В обеих монографиях высказывается мысль о том, что начиная с античного времени основные изменения гидрографии этих районов определялись не чисто природными силами, а различными фактами социальной и политической жизни; человек уже мог контролировать водные системы с помощью плотин, дамб, каналов. Запустение сети ирригационных сооружений, частичные изменения режима и направления рек вызывались крупными военными событиями, передвижением племен в античное время, монгольским нашествием, походами Тимура, феодальными войнами. Это новая точка зрения, так как ранее многие исследова-

⁹ Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии (Историко-географический этюд). М. 1966; его же. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (опыт историко-географического синтеза). «Народы Азии и Африки», 1966, № 4; его же. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. «История СССР», 1967, № 1; его же. Поиски вымышленного царства (Легенда о государстве пресвитера Иоанна). М. 1970; Л. Н. Гумилев, И. Эрдей и. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века (Опыт анализа). «Народы Азии и Африки», 1969, № 3.

¹⁰ См. И. Я. Златкин. Не синтез, а эклектика. «Народы Азии и Африки», 1970, № 3; С. А. Плетнева. По поводу статьи Л. Н. Гумилева и И. Эрдей «Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века». «Советская археология», 1970, № 3, и др.

¹¹ «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения». М. 1960; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М. 1962.

тели полагали, что крупные изменения водной сети в этом районе всегда вызывались природными причинами (изменением климата, наступлением пустыни и т. д.).

В ряде работ затрагиваются вопросы влияния географической среды на складывание народностей и наций, формирование тех или иных этнических особенностей населения. Л. Н. Гумилев в серии статей пытается говорить об этносе как о понятии биолого-географическом, рассматривая его природные и биологические связи¹². Однако Л. Н. Гумилев придает чрезмерное значение роли природных факторов в жизни этноса. Он считает, что ландшафт определяет характер культуры складывающейся народности, что этнос приспосабливается к данным условиям во время своего складывания, а затем, при переселении или расселении, ищет соответствующий его привычкам ландшафт. Этногенез, по мысли Л. Н. Гумилева, происходит лишь на стыках различных ландшафтных регионов. Он считает, что этническая история и определяющие ее ход «пассионарные силы» зависят от биохимических процессов, возникающих в результате взаимодействия природы и общества. Вокруг этноса началась дискуссия¹³. Большинство ее участников подвергли критику точку зрения Л. Н. Гумилева. В. И. Козлов показал ошибочность его основных положений, отметив, что им свойствен «географический детерминизм», что «в результате умозрительных построений Л. Н. Гумилева сотни народов мира оказываются как бы на положении незаконнорожденных»¹⁴. М. И. Артамонов писал, что «теория пассионарности» Л. Н. Гумилева ничем существенным не отличается от старых представлений «о героях и толпе» и что некоторые его выводы связаны с преувеличением роли природных факторов¹⁵. Ю. В. Бромлей, Б. Н. Семеvский, О. А. Дроздов подчеркнули необходимость при изучении этнической истории исходить прежде всего из социально-экономических предпосылок. Дискуссия показала, что мнение Л. Н. Гумилева о сущности и движущих силах развития этноса не встретило поддержки даже в качестве гипотезы.

Некоторые моменты складывания народностей и наций в Латинской Америке, связанные с географической средой, отмечает А. А. Долинин¹⁶. Он считает, что после завоевания Америки испанцы основывали поселения преимущественно в тех местах, которые характеризовались благоприятным экономико-географическим и стратегическим положением (залежи благородных металлов, удобные участки для устройства плантационных хозяйств). Интересны замечания автора относительно влияния природных условий на приток иммигрантов в страны Южной Америки в XIX—XX веках. Он убедительно объясняет неравномерность заселения Аргентины, Чили и Перу различными сочетаниями экономических и географических условий.

Исследователи установили влияние географической среды на формы поселений, устройство жилищ и т. д. По мнению М. Г. Рабиновича, жители Руси X—XIII вв. строили срубные дома в подзонах хвойных лесов и в части елово-широколиственных лесов, в других же районах предпочитали полужемлянки. Автор объясняет это

¹² Л. Н. Гумилев. Этнос и ландшафт. Историческая география как народоведение. «Известия Всесоюзного географического общества». Т. 100, вып. 3. 1968; его же. О термине «этнос». «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР». Вып. 3. 1967; его же. О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии (ландшафт и этнос). «Вестник» ЛГУ, 1970, № 24. Геология, География. Вып. 4; его же. Этногенез и этносфера. «Природа», 1970, № 1, его же. Этногенез — природный процесс. «Природа», 1971, № 2; его же. Этнос — состояние или процесс? (ландшафт и этнос, XI). «Вестник» ЛГУ, 1971, № 12. Геология, география. Вып. 2, и др.

¹³ См.: Ю. В. Бромлей. К вопросу о сущности этноса. «Природа», 1970, № 2; Б. Н. Семеvский. Взаимодействие системы «человек — природа». Там же; О. А. Дроздов. Этнос и природная среда. «Природа», 1970, № 8; В. И. Козлов. Что же такое этнос? Там же; Б. И. Кузнецов. Проверка гипотез Л. Н. Гумилева. Там же; М. И. Артамонов. Снова «герои» и «толпа». Там же; Ю. К. Ефремов. Важное звено в цепи связей человека с природой. Там же; Ю. В. Бромлей. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза. «Природа», 1971, № 2; М. И. Артамонов. Археологическая культура и этнос. «Проблемы истории феодальной России». Л. 1971, и др.

¹⁴ В. И. Козлов. Указ. соч., стр. 71 и сл.

¹⁵ М. И. Артамонов. Снова «герои» и «толпа», стр. 76.

¹⁶ А. А. Долинин. Некоторые территориальные особенности процесса формирования наций в Латинской Америке. «Доклады по географии населения». Вып. 5. Л. 1966.

тем, что сосна и ель считались первоклассным строительным материалом при сооружении изб¹⁷.

Проблему зависимости расположения поселений от географической среды затрагивают многие авторы¹⁸. Особенно подробно этот вопрос рассматривает М. В. Витов. Он указывает, что в XVI—XVII вв. сельские поселения Заонежья не были разбросаны равномерно по всей территории, а тяготели к воде. Группы поселений, объединенные в погосты, как правило, представляли собой «замкнутое географическое целое» (бассейны, речки, озера, несколько небольших озер или заливов). Границы погостов идут или по водоразделам, или по большим озерам. Население тянулось к рекам и небольшим озерам потому, что почва в долинах рек несколько теплее, чем на водоразделах; в поймах рек расположены заливные луга, необходимые для выпаса скота¹⁹.

Влияние природных условий на особенности развития экономики отмечается во многих работах. Т. Н. Савельева показывает, какими благоприятными оказались природные условия древнего Египта для развития сельского хозяйства. Это способствовало раннему оседанию населения в этих местах, высокому уровню развития земледелия и ирригации уже при бронзовых орудиях²⁰. В. И. Кузицин рассматривает влияние природных условий на экономику другой древней страны — Италии²¹. Он показывает, что, говоря о благоприятных природных условиях для развития ее хозяйства, следует учитывать не только мягкий климат и плодородие почвы (в Италии было немало неудобных и неплодородных участков), но весь комплекс условий (разнообразие типов ландшафта и почв, положение в центре мировых торговых путей), позволявший вести интенсивное хозяйство, совершенствовать технику. Интересно, что примерно те же благоприятные для развития древней Греции условия отмечают и авторы книги о возникновении и развитии земледелия²². В. В. Дорошенко, рассматривая различные аспекты истории сельского хозяйства Латвии XVI в., скрупулезно учитывает качество почвы, рельеф, особенности климата, близость транспортных путей и т. д. По его мнению, различные варианты системы земледелия отражали различные природные условия отдельных районов страны²³. С. О. Шмидт, определяя влияние географической среды на развитие России XVI в., верно называет ряд его особенностей, связанных с природной обстановкой (сложность общения и проникновения культурных и хозяйственных навыков в отдаленные друг от друга районы России; трудности торговых сношений на больших расстояниях; отсутствие выхода к морю значительной части страны, затруднявшее внешнюю торговлю; возможность колонизации новых земель, примыкавших уже к ранее освоенным, и др.)²⁴.

К интересным выводам приходят и авторы некоторых других работ²⁵. А. Я. Шewe-

¹⁷ М. Г. Рабинович. Древний ландшафт и жилище (О двух типах древнерусского жилища в Волго-Вятском междуречье). «Советская этнография», 1969, № 2.

¹⁸ М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М. 1962; М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII веков. М. 1962; М. Д. Шарыгин. Историко-географические особенности заселения северо-востока Кировской области. «Ученые записки» Пермского государственного университета. 1969, № 202; В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (V—XV вв.). М. 1960; Ф. М. Листенгурт. Роль экономико-географического положения в развитии гг. Ярославля, Твери и Рыбинска в эпоху феодализма. «Экономическая география. Топонимика». Сборник статей Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. М. 1960; В. В. Покшишевский. Очерки по заселению лесостепных и степных районов русской равнины. «Экономическая география СССР». Вып. 5. М. 1960.

¹⁹ М. В. Витов. Указ. соч., стр. 94, 174.

²⁰ Т. Н. Савельева. Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М. 1962.

²¹ В. И. Кузицин. Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э. — I в. н. э. М. 1966.

²² В. М. Массон, И. Т. Кругликова, А. В. Кирьянов. Возникновение и развитие земледелия. М. 1967.

²³ В. В. Дорошенко. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. Рига. 1960.

²⁴ С. О. Шмидт. К изучению аграрной истории России XVI века. «Вопросы истории», 1968, № 5, стр. 27—28.

²⁵ В. Е. Вихров и Б. А. Колчин. Древесина в хозяйстве и быте древнего Новгорода. «Труды» Института леса и древесины. Т. 21. М. 1962; Н. П. Соколов. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов. 1963; Т. А. Шумский. Арабы и море. М. 1964; Э. Тарвел. Фольварк, пан и подданный. Аграрные отно-

ленко указывает, что недостаток минеральных ресурсов повлиял на развитие отдельных районов Европы. Так, отсутствие меди и олова в среднерусской полосе привело к некоторому отставанию жителей лесных районов Руси по сравнению с южнорусской полосой в обработке бронзы. В V—X вв. почти всеми европейскими странами ощущалась нехватка цветных и драгоценных металлов, что влияло на развитие ювелирного дела и денежной системы²⁶. Е. И. Дружинина приводит данные о природных условиях Южной Украины для развития водного транспорта²⁷. Автор выясняет, в частности, что устья крупнейших рек Черноморского бассейна имели недостатки, затрудняющие судоходство (мелководье или болотистые берега). Строить крупные порты в устьях этих рек было невозможно. Большие трудности испытывал таганрогский порт: мелководье Азовского моря очень осложняло погрузку и выгрузку морских судов.

Во многих работах исследователи устанавливают влияние природных условий на особенности социальной и политической истории. Они, как правило, указывают, что воздействие географического фактора при этом было косвенным; оно проявлялось через особенности развития экономики. Так, Ю. А. Кизилов, пытаясь выяснить причины перехода древнерусского населения к феодализму, обращает внимание и на влияние природной среды, сравнивая условия образования классовых обществ в различных естественноисторических зонах (страны Востока, Греция и Рим, Древняя Русь)²⁸.

В последние годы в связи с дискуссией об «азиатском» способе производства значительно повысился интерес историков к выяснению географических моментов, влиявших на развитие социального строя стран Востока. Г. В. Коранашвили считает, что в период складывания первых государств «на Древнем Востоке неблагоприятная историческая и географическая среда ограничивала возможности роста производительных сил»²⁹. К. З. Ашрафян указывает на ряд особенностей географической среды Востока, которые не способствовали интенсификации возделывания земли, росту технической оснащенности хозяйства и т. д. Объем необходимого продукта в странах Азии был ниже, чем в Европе: за счет благоприятных природных условий население Азии имело дополнительные источники питания, а расходы на жилье, топливо, одежду, пищу были меньше, чем у европейца. Поэтому крестьянское хозяйство здесь было устойчивее, чем в Европе, даже при высокой феодальной ренте. Это замедляло процессы разложения общин, обезземеливания общинников и роста частной собственности³⁰. Некоторые из этих же факторов отмечает И. Г. Поздняков³¹.

Своеобразно влияние географической среды на социальные отношения и политическую историю двух приморских государств VIII—XI вв.— Скандинавии и Венеции. Природные условия Скандинавии (горы, суровый климат) были неблагоприятны для развития земледелия, наличие же моря толкало жителей к занятиям мореходством и торговлей. Ввиду недостатка земель, пригодных для сельского хозяйства, увеличение числа жителей приводило к скрытому перенаселению. Все это способствовало быстрому развитию мореплавания; «в VIII—XI вв. викинги не знали себе равных на

шения в польских владениях на территории Южной Эстонии в конце XVI—начале XVII века. Таллин. 1964; А. Я. Гуревич. Походы викингов. М. 1966; Л. В. Алексеев. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М. 1966; Р. Г. Звейник. Значение экономико-географического положения Латвии в развитии ее экономики до восстановления Советской власти в 1940 г. «Ученые записки» аспирантов Латвийского университета. Т. 7, вып. 4. Рига. 1967; И. Д. Ковальченко. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М. 1967; Х. Мора, Х. Лиги. Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII века. Таллин. 1969; «Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в.». Л. 1971; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М. 1972.

²⁶ А. Я. Шевеленко. Указ. соч., стр. 92—93.

²⁷ Е. И. Дружинина. Южная Украина в 1800—1825 гг. М. 1970, стр. 57—62.

²⁸ Ю. А. Кизилов. Предпосылки перехода восточного славянства к феодализму. «Вопросы истории», 1969, № 3.

²⁹ Г. В. Коранашвили. О причинах неразвитости рабства на Древнем Востоке. «Вопросы истории», 1969, № 9, стр. 111.

³⁰ К. З. Ашрафян. Проблемы общественно-экономического строя средневековой Индии. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М. 1966.

³¹ И. Г. Поздняков. О причинах отставания Востока. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока».

море»³². В Венеции те же условия сыграли другую роль. Конгломерат островков, расположенных недалеко от берега Адриатического моря, явился очень своеобразным районом, население которого лишено было возможностей заниматься сельским хозяйством, но имело хорошие природные (и социальные) предпосылки для развития морской торговли, различных промыслов и ремесел. Природные условия повлияли и на политическую историю Венеции. Возникновение Венецианской республики Н. П. Соколов объясняет победой партии, связывавшей свое хозяйство с морем. В дальнейшем единство республики обеспечивалось прежде всего благодаря этой твердой экономической основе³³. «Морские» интересы республики толкают ее на постоянную политическую и военную борьбу за Адриатическое море, за коммуникации, связывавшие ее с Востоком.

Ю. А. Кизилов обращает особое внимание на роль природных условий в политической истории русских княжеств. Он показывает, что при существовавшем уровне развития Древней Руси население могло концентрироваться лишь на отдельных, более благоприятных для жизни участках, разделенных часто огромными пространствами непроходимых в то время лесов и болот. Величина таких участков, их конфигурация, возможность связей с другими районами, защитная роль лесов и болот — все эти различные комбинации природных условий влияли на возможность роста населения земель, городов и княжеств, их экономическое и политическое значение³⁴.

Большое влияние оказывает географическая среда на события военной истории. В этом плане интересны две монографии П. А. Раппопорта, посвященные военному зодчеству Древней Руси. Автор показывает связь природных условий с типами оборонительных сооружений, тактикой и стратегией. Восточные славяне по-разному использовали условия местности, тщательно выявляя все потенциальные возможности, которые она давала для военного дела. Из конкретных наблюдений автора отметим только одно: распространение крепостей «островного» типа (то есть находящихся на крутых высотах) он прямо связывает с «границей валдайского оледенения и особенно с полосою холмисто-моренного ландшафта, проходящей вдоль границ этого оледенения»³⁵.

Говоря в целом об изучении взаимосвязи между природой и обществом, можно с удовлетворением отметить, что в последнее время появился ряд специальных работ, посвященных этой проблеме применительно к отдельным регионам и эпохам. Видимо, было бы целесообразно в будущем изучать эти вопросы применительно к отдельным формациям и странам. Это необходимо для дальнейшего развития советской исторической науки, для расширения и уточнения наших представлений о прошлом.

А. В. Дулов

³² А. Я. Гуревич. Указ. соч., стр. 12—16, 34—36, 37.

³³ Н. П. Соколов. Указ. соч., стр. 170—172.

³⁴ Ю. А. Кизилов. Указ. соч. «Вопросы истории», 1973, № 3.

³⁵ П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. М.-Л. 1961; его же. Военное зодчество западно-русских земель X—XIV вв. Л. 1967.